

Дипломатические агенты России в Маньчжурии на рубеже XIX – XX вв.

Владимир И. Куликов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kulikov_59@mail.ru*

Аннотация. В статье, основанной на документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), исследуется институт дипломатических агентов в Маньчжурии. «Чиновник Министерства иностранных дел VI класса, командированный в Маньчжурию» появился в номенклатуре должностей внешнеполитического ведомства в 1899 г. Учреждение столь необычной институции объяснялось спецификой ситуации, сложившейся вокруг Маньчжурии: необходимостью создания на ее территории органов русского представительства и нежеланием официального Петербурга использовать при этом традиционные в дипломатической практике организационные формы консульских учреждений. Представительства чиновников МИД были открыты в административных центрах маньчжурских провинций – в Гирине, Мукдене и Цицикаре, а также в Харбине. Дипломатические агентства находились в двойном подчинении – Министерства иностранных дел и краевых начальников Хабаровска и Порт-Артура. На должности руководителей агентств назначались, как правило, опытные дипломаты, хорошо разбиравшиеся в специфике консульской деятельности в Китае. Несмотря на политические и организационные сложности, которыми сопровождалась деятельность чиновников МИД, – отсутствие международно признанного статуса, вовлеченность в межведомственное соперничество с другими органами русского представительства – им в целом удалось справиться с задачей защиты прав и интересов русских подданных на территории области. В новых геополитических реалиях, сложившихся после русско-японской войны, дипломатические агентства были реорганизованы в российские консульские учреждения.

Ключевые слова: история государственного управления, Маньчжурия, чиновник Министерства иностранных дел VI класса, дипломатическое агентство, В.Ф. Люба, Н.В. Богоявленский, С.А. Колоколов

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2024 г.;
принята к публикации 13 октября 2025 г.

Для цитирования: Куликов В.И. Дипломатические агенты России в Маньчжурии на рубеже XIX – XX вв. // История и архивы. 2026. Т. 8. № 1. С. 41–62. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-1-41-62

Russian diplomatic agents in Manchuria at the turn of the 19th – 20th centuries

Vladimir I. Kulikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kulikov_59@mail.ru*

Abstract. The article, based on the documents from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), examines the institution of diplomatic agents in Manchuria. The post of an “official of the Ministry of Foreign Affairs of the VI class, assigned to Manchuria” appeared in the nomenclature of the Foreign Ministry positions in 1899. The establishment of such an unusual institution was attributed to the specifics of the situation around Manchuria: the need to create Russian representative offices on its territory and the unwillingness of official St. Petersburg to use the traditional forms of consular institutions in diplomatic practice. The representative offices of the officials of the Ministry of Foreign Affairs were opened in the administrative centers of the Manchurian provinces – in Jilin, Mukden and Qiqihar, as well as in Harbin. The diplomatic agencies were subordinated both to the Ministry of Foreign Affairs and the regional chiefs of Khabarovsk and Port Arthur. As a rule, the positions of the heads of agencies were usually assigned to experienced diplomats who were well-versed in the specifics of the consular activities in China. The Russian representatives generally managed to cope with the task of protecting the rights and interests of the Russian citizens in the region, despite the political and organizational difficulties that accompanied the activities of the officials of the Ministry of Foreign Affairs – the lack of an internationally recognized status, involvement in interdepartmental rivalry with other bodies of the Russian representation. In the geopolitical realities associated with the end of the Russo-Japanese war, the diplomatic agencies were reorganized into the Russian consular offices.

Keywords: history of public administration, Manchuria, official of the Ministry of Foreign Affairs of the VI class, diplomatic agency, V.F. Luba, N.V. Bogoyavlensky, S.A. Kolokolov

The article was submitted for publication 17.12.2024;
accepted for publication 13.10.2025.

For citation: Kulikov, V.I. (2026), “Russian diplomatic agents in Manchuria at the turn of the 19th – 20th centuries”, *History and Archives*, vol. 8, no. 1, pp. 41–62, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-1-41-62

Введение

В конце XIX в. принадлежавшая Китаю Маньчжурия оказалась в сфере влияния Российской империи. Китайское правительство в августе 1896 г. дало согласие на строительство по территории Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была соединить Забайкалье с Владивостоком, а в марте 1898 г. подписало с Россией договор о передаче ей в аренду Ляодунского полуострова. Проникновение России в Маньчжурию, вызвавшее значительное увеличение численности российских подданных на ее территории, потребовало создания специальных государственных органов, и в 1899–1902 гг. в административных центрах маньчжурских провинций появились представители русского правительства – чиновники Министерства иностранных дел VI класса, или, как их вскоре стали именовать, дипломатические агенты. Данная институция по форме напоминала дипломатических чиновников при генерал-губернаторах российских окраин: и те и другие находились в двойном подчинении – внешнеполитического ведомства и краевых начальников, но при этом дипломатические чиновники действовали в российском приграничье, а дипломатические агенты – на территории Маньчжурии, де-юре не входившей в состав Российской империи.

В последнее время наблюдается заметный рост интереса исследователей к изучению механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов и функционированию института дипломатического чиновника на Дальнем Востоке [Изаксон 2017; Дамешек, Дамешек 2019; Мамкина 2020; Мамкина 2021; Куликов 2023; Куликов 2024]. Гораздо скромнее изучен вопрос о чиновниках МИД в Маньчжурии: из работ по данной теме назовем статьи Е.О. Старовойтовой о деятельности русского агента в Мукдене С.А. Колоколова [Старовойтова 2023] и Е.И. Нестеровой о преобразовании дипломатического агентства в Харбине в российское генеральное консульство [Нестерова 2023], а также документальную публикацию в журнале «Исторический архив» об открытии гиринского дипломатического агентства¹. Цель

¹ «Считая подготовительную свою работу законченной, я выезжаю... в Гирин»: Донесение чиновника Министерства иностранных дел России в Маньчжурии В.Ф. Любы. 1899 г. / публ. В.И. Куликова // Исторический архив. 2025. № 3. С. 57–65.

настоящей статьи – изучение института чиновника МИД в Маньчжурии с момента учреждения дипломатических агентств в ее административных центрах и до их реорганизации в консульства после русско-японской войны. Основными источниками послужили документы АВПРИ, отложившиеся в фондах 143 (Китайский стол) и 326 (Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке), а также официальные материалы, опубликованные в Ежегодниках МИД за 1900–1907 гг.

Учреждение должности чиновника Министерства иностранных дел VI класса в Гирине

Одним из инициаторов учреждения должности специального чиновника русского правительства в Маньчжурии стал приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской. Приамурское генерал-губернаторство имело протяженную границу с Китаем, что требовало постоянного внимания со стороны краевой администрации к пограничным делам. Еще 1 января 1897 г. с подачи Духовского в Хабаровске была образована Дипломатическая часть при генерал-губернаторе во главе с дипломатическим чиновником [Иконникова 2001, с. 38–41]. Но этого оказалось явно недостаточно для защиты прав и интересов русских подданных в Маньчжурии, численность которых стала стремительно расти после начала строительства КВЖД. Проблема усугублялась тем, что на всей территории Маньчжурии до 1899 г. отсутствовали русские консульства, учрежденное же в 1899 г. консульство в Инкоу (Нючжуане), сыгравшее исключительно важную роль в решении дипломатических и торгово-экономических вопросов, связанных с колонизацией Квантунской области [Шаронова 2022, с. 396], располагалось в стороне от основных центров русской миграции в Маньчжурии. Учитывая все эти обстоятельства, Духовской предложил рассмотреть вопрос об учреждении в Северной Маньчжурии русских консульств. Но в МИД к его предложению отнеслись скептически. Во-первых, отсутствовало соответствующее соглашение с китайской стороной, во-вторых, и это было главным, МИД опасался, что создание в Маньчжурии новых российских консульств могло вызвать цепную реакцию и привести к появлению консульств других держав, что, по мнению внешнеполитического ведомства, могло отрицательно сказаться на российских интересах². Точку зрения МИД о негативных последствиях открытия в Маньчжурии консульств иностранных держав для русской торговли разделяло Министерство финансов.

² АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 2005. Л. 4.

В результате обмена мнениями между заинтересованными ведомствами в Петербурге пришли к убеждению в необходимости договориться с китайским правительством о допущении в некоторые пункты Маньчжурии таких русских чиновников, которые, не будучи консулами, получили бы право входить по делам русской торговли и русских подданных в сношения с местными маньчжурскими властями и решали бы, совместно с ними, спорные дела между российскими и китайскими подданными. Таким образом, удалось бы уладить вопрос о российском представительстве в Маньчжурии и при этом избежать требований со стороны иностранных государств о предоставлении им аналогичных прав³. Главным мотивом к учреждению нового административного органа, по мнению Духовского, являлось строительство КВЖД, поэтому он в письме от 17 ноября 1897 г., адресованном министру иностранных дел М.Н. Муравьеву, предложил назвать проектируемую должность правительственного чиновника российским императорским железнодорожным комиссаром в Маньчжурии⁴, с чем на этот раз не согласилось Министерство финансов. Вопрос о комиссаре обсуждался в Комитете министров 24 марта 1898 г., и Министерство финансов, стремившееся во что бы то ни стало сохранить за собой право высшего надзора за строительством и эксплуатацией КВЖД, настояло на том, чтобы правительственный чиновник в Маньчжурии имел статус органа «общего характера, не имеющего связи с постройкой железной дороги»⁵. При обсуждении служебного положения комиссара участники совещания не смогли договориться, какому ведомству он должен будет непосредственно подчиняться – Министерству иностранных дел или Министерству внутренних дел. В итоге участники совещания признали разрешение вопроса о подчиненности комиссара за неимением достаточных данных преждевременным⁶.

Ввиду того что Маньчжурия не являлась российской территорией, должность правительственного чиновника все-таки решили учредить по линии МИД. Проектируемая должность внешне походила на политическое агентство в Бухаре, управляющий которым, состоя при эмире, находился в двойном подчинении – внешнеполитического ведомства и туркестанского генерал-губернатора. Эта должность вводилась для покровительства и защиты прав и интересов русских подданных на территории двух провинций Маньчжурии – Хэйлунцзянской и Гиринской, за исключением полосы отчуждения КВЖД, оставшейся в юрисдикции железнодорожной

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 16–18.

⁵ Там же. Л. 20г.

⁶ Там же. Л. 36.

администрации, контролировавшейся Министерством финансов. Мукденская провинция Маньчжурии также не включалась в юрисдикцию дипломатического агента. Во-первых, территория этой провинции входила в зону ответственности российского консула в Инкоу, во-вторых, к этому времени уже было принято принципиальное решение об учреждении в самом ближайшем времени должности дипломатического чиновника в административном центре Квантунской области – Порт-Артуре [Куликов 2024, с. 14]. По своему функционалу должность дипломатического агента в Маньчжурии была близка к консульской, но по внешнеполитическим соображениям она таковой не именовалась. Помимо консульских обязанностей на дипломатического агента предполагалось возложить разбор судебных дел, возникавших между русскими и китайскими подданными на территории Маньчжурии, а также вопросы, связанные с русским судоходством по р. Сунгари.

7 июня 1899 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета об учреждении «должности чиновника МИД, командированного в Маньчжурию для заведования делами между русско-подданными и китайско-подданными»⁷, а 1 июля того же года назначение на нее высочайшим приказом по гражданскому ведомству получил надворный советник Виктор Федорович Люба⁸, служивший до этого в российском консульстве в Урге (Монголия). В составе агентства при чиновнике МИД предусматривалась должность секретаря-драгомана. Решение о ее учреждении не подлежало опубликованию, сама же должность официально именовалась «чиновник Министерства иностранных дел VI класса» (т. е. не указывалась ее территориальная юрисдикция) и размещалась в официальном издании внешнеполитического ведомства непосредственно перед перечнем должностей дипломатических чиновников при генерал-губернаторах⁹. Согласно штатному расписанию, утвержденному 7 июня 1899 г., на содержание агентства (жалованье чиновника и состоявшего при нем секретаря-драгомана, наем помещения, на конвойную команду и канцелярские расходы) выделялось 18 тыс. 525 руб. ежегодно¹⁰.

⁷ Там же. Д. 277. Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ См.: Ежегодник Министерства иностранных дел. 1900. СПб., 1900. С. 77.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 143; Китайский стол. Оп. 491. Д. 2005. Л. 86. Для сравнения укажем, что содержание управления дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске и при начальнике Квантунской области в Порт-Артуре обходилось казне соответственно в 7 тыс. руб. и 13 тыс. 250 руб. ежегодно.

Приняв назначение на должность чиновника МИД в Маньчжурии, Люба испросил разрешения министерства, чтобы еще до приезда к месту службы побывать в Пекине для получения подробных указаний от российского посланника в Китае Михаила Николаевича Гирса и в Хабаровске для личных объяснений с приамурским генерал-губернатором Николаем Ивановичем Гродековым¹¹. В Пекин Люба прибыл в середине октября 1899 г. Поскольку китайские власти не были заранее проинформированы об учреждении должности чиновника МИД в Маньчжурии, возникла проблема, связанная со статусом новой должности. Посланнику Гирсу удалось найти выход из столь щекотливой ситуации. Посетив внешнеполитическое ведомство, он постарался убедить китайских чиновников, что командировка Любы в Маньчжурию имеет целью разбор дел между подданными двух стран, периодически возникавших во время плавания русских судов по р. Сунгари. Представив миссию дипломата как рядовую поездку, неоднократно имевшую место в прошлом, Гирс добился признания со стороны китайских властей официального статуса Любы¹². В конце октября внешнеполитическое ведомство Китая дало предписание хэйлунцзянскому и гири́нскому цзянь-цзюням (военным губернаторам) оказывать необходимое внимание и содействие российскому дипломату¹³.

Получив от посланника подробную инструкцию, в которой был определен круг его обязанностей по должности, а также район деятельности – две из трех провинций Маньчжурии, Люба отправился в Хабаровск, где провел две недели. Там он встретился с генерал-губернатором Н.И. Гродековым, военным губернатором Амурской области К.Н. Грибским, принял участие в совещании по вопросу о взаимоотношениях российских учреждений в Маньчжурии. Перед отъездом из Хабаровска Люба направил директору Первого департамента МИД А.К. Базили донесение, в котором изложил свои впечатления о результатах бесед с руководством Приамурского генерал-губернаторства. После консультаций, проведенных им в Пекине и Хабаровске, удалось окончательно определиться с местом постоянного пребывания чиновника МИД в Маньчжурии – таковым стал г. Гирин – административный центр одноименной провинции. К тому же город располагался в стороне от КВЖД и ее ответвления к Порт-Артуру, что придавало дипломатическому агенту больше самостоятельности от железнодорожной администрации.

¹¹ Там же. Д. 277. Л. 7.

¹² Там же. Л. 16–17.

¹³ Там же. Л. 15.

Направляясь из Хабаровска в Гирин, Люба в целях ознакомления с районом будущей служебной деятельности решил посетить важнейшие центры Маньчжурии. На эту поездку ему выделили по смете МИД 1 тыс. руб.¹⁴ Проезжая через Харбин, он направил донесение в Первый департамент МИД, содержащее любопытные сведения о начале застройки этого города: «Харбин разбивается на 4 отдельных поселения: собственно урочище или усадьба Харбин, где теперь размещается Управление Китайской железной дороги и большинство служащих, деревня Ма-до-гоу, скупленная у китайцев, будущий город Сунгари, теперь только начинающийся отстраиваться, и пристань на реке Сунгари, где устроены все мастерские, где строятся вагоны, собираются паровозы и пр. Самый Харбин устроен на месте полузаброшенного китайского ханшинного (водочного) завода, который был куплен Управлением вместе с находившимися вокруг него китайскими фанзами (домами). Завод и фанзы были приспособлены под жилые помещения»¹⁵. Лишь к середине марта 1900 г. Люба прибыл в Гирин и в торжественной обстановке, в присутствии местного цзянь-цзюня, открыл дипломатическое агентство¹⁶.

Приступить к деятельности в полном объеме агентство смогло далеко не сразу. Гиринская провинция вскоре оказалась охвачена восстанием ихэтуаней, Люба был вынужден покинуть Гирин, а помещение самого агентства подверглось разгрому¹⁷. Лишь после ввода русских войск на территорию Маньчжурии с целью прекращения беспорядков Люба получил возможность вернуться в Гирин и приступить к исполнению своих служебных обязанностей. В ноябре 1901 г. удалось решить вопрос о строительстве отдельного здания для агентства в Гирине, на что было отпущено по смете МИД на 1902 г. 25 тыс руб.¹⁸ Гиринское агентство стало первым в ряду российских дипломатических агентств на территории Маньчжурии.

Становление сети российских дипломатических агентств на территории Маньчжурии

После подавления восстания ихэтуаней русские войска остались на северо-востоке Цинской империи. Оккупация Маньчжурии

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же. Д. 266. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 35.

¹⁷ Там же. Д. 1894. Л. 22.

¹⁸ Там же. Д. 278. Л. 9.

потребовала установления нового порядка управления областью. 31 октября 1900 г. на совещании трех министров – А.Н. Куропаткина (военный министр), В.Н. Ламздорфа (министр иностранных дел) и С.Ю. Витте (министр финансов) – были выработаны «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии». Ответственность за управление Маньчжурией в Петербурге разделили между приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым (Хэйлунцзянская и Гиринская провинции) и главным начальником Квантунской области вице-адмиралом Е.И. Алексеевым (Мукденская провинция). В соответствии с п. 14 «Оснований русского правительственного надзора в Маньчжурии» должности российских дипломатических агентов вводились теперь при местных цзянь-цзюнях во всех трех провинциях области, а их полномочия существенно расширялись: помимо защиты и охраны интересов русских подданных, проживавших на территории Маньчжурии, на дипломатических агентов возлагалось ведение сношений цзянь-цзюней с российским посланником в Пекине и командующими русскими оккупационными войсками по всем вопросам, за исключением вопросов чисто военного характера¹⁹. Так как при приамурском генерал-губернаторе и главным начальнике Квантунской области состояли дипломатические чиновники, возглавлявшие дипломатическую часть при краевых начальниках, то дипломатические агенты в маньчжурских провинциях оказались в служебной зависимости от дипломатических чиновников в Хабаровске и Порт-Артуре.

Учреждение должности дипломатического агента в Мукдене прошло относительно спокойно. Николай II утвердил соответствующее мнение Государственного совета 12 марта 1901 г. По структуре мукденское агентство являлось точной копией гиринского: чиновник МИД VI класса и секретарь-драгоман при нем²⁰. Вскоре назначение на должность руководителя мукденского агентства получил коллежский асессор Сергей Александрович Колоколов. В сентябре 1901 г. он прибыл в Мукден и был благосклонно принят китайскими властями. Ему удалось установить тесный контакт с дипломатической канцелярией при главном начальнике Квантунской области, более того, его неоднократно вызывали в Порт-Артур и поручали временное исполнение обязанностей тамошнего дипломатического чиновника [Старовойтова 2023, с.126–127; Куликов 2024, с. 19].

Третья должность дипломатического агента в Маньчжурии была учреждена в административном центре Хэйлунцзянской провинции – Цицикаре. Де-юре учреждение агентства состоялось

¹⁹ Там же. Д. 257. Л. 25.

²⁰ Там же. Д.247. Л.1.

6 мая 1902 г.²¹, но де-факто дипломатический агент в этой маньчжурской провинции появился гораздо раньше. Хэйлунцзянская провинция непосредственно граничила с Амурской областью Приамурского генерал-губернаторства, по ее территории проходила значительная часть КВЖД (около 900 верст), и, естественно, в ней проживало много русских подданных. К тому же Хэйлунцзянская провинция оказалась богата месторождениями золота, и разрешительные свидетельства от китайских властей на право их разработки выдавались русским промышленникам через посредничество представителя МИД в Цицикаре²². Поэтому уже первый чиновник МИД VI класса в Маньчжурии Люба, резиденция которого, как об этом говорилось выше, располагалась в Гирине, вынужден был либо сам выезжать в Цицикар, либо направлять туда своего секретаря-драгомана Н.Н. Кроткова. В апреле 1901 г. МИД ввиду необходимости регулярных командировок дипломатического агента либо его помощника в Цицикар признал целесообразным ввести в штат гиринского агентства дополнительную должность драгомана и увеличить содержание секретаря-драгомана, который отныне должен был постоянно находиться в Цицикаре²³.

В сентябре 1901 г. новый российский посланник в Пекине Павел Михайлович Лессар, ознакомившись по пути к месту службы с положением агента МИД в Цицикаре, в депеше в Петербург признал, что «откомандированные секретари не имеют достаточного престижа»²⁴. С точкой зрения Лессара согласились как в Министерстве иностранных дел, так и в Министерстве финансов: оба ведомства высказались за «назначение агента МИД в Цицикаре на одинаковых условиях с агентами гиринским и мукденским»²⁵. Поэтому когда в октябре 1901 г. Кроткова в Цицикаре сменил Николай Вячеславович Богоявленский, того при назначении на должность заверили, что он де-факто возглавит самостоятельный орган, а его служебная зависимость от гиринского агентства до официального учреждения в законодательном порядке агентства МИД в Цицикаре будет носить чисто номинальный характер²⁶. Но на практике получилось иначе. Люба смотрел на агента МИД в Цицикаре как на подчиненного ему чиновника и при каждой возможности старался довести соответствующую информацию не только до русских, но и до китайских властей Хэйлунцзянской

²¹ Там же. Д. 256. Л. 32.

²² Там же. Д. 1019.

²³ Там же. Д. 277. Л. 40.

²⁴ Там же. Д. 256. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 11.

провинции²⁷. Конфликт между Любой и Богоявленским затянулся, и его последствия ощущались даже после того, как в мае 1902 г. агентство в Цицикаре было официально учреждено в законодательном порядке. Министерство иностранных дел так и не смогло уладить их отношения, и обоих дипломатов летом 1903 г. отправили в длительный отпуск, а на местах в качестве исполняющих обязанности чиновников МИД их временно замещали секретари дипломатических агентств – титулярный советник В.В. Сметков в Гирине и коллежский секретарь М.Н. Кузминский в Цицикаре²⁸.

Помимо административных центров маньчжурских провинций, чиновник МИД появился также в Харбине, где находилось Управление КВЖД и сосредотачивалась основная масса русских подданных в Маньчжурии. Территориально Харбин входил в состав Гиринской провинции, и туда, как в свое время в Цицикар, регулярно выезжал глава гиринского агентства Люба или его помощник. Управление КВЖД даже выделило для представителей МИД небольшой домик [Нестерова 2023, с. 74]. В марте 1902 г. Люба обратился в Первый департамент МИД с просьбой направить в состав гиринского агентства дополнительного сотрудника, которого предполагалось командировать на постоянной основе в Харбин для разбора дел между русскими и китайскими подданными. В новом обращении в Первый департамент МИД, последовавшем в октябре 1902 г., содержались предложения по упорядочению служебного положения чиновника МИД в Харбине. Люба считал нецелесообразным учреждать в этом городе по примеру административных центров маньчжурских провинций отдельное агентство, но при этом давал согласие на временное предоставление частичной самостоятельности командированному в Харбин должностному лицу: числясь в штате гиринского агентства, данный чиновник должен был постоянно находиться в Харбине, мог распоряжаться средствами на наем квартиры и содержание канцелярии и привлеченных по вольному найму переводчика и письмоводителя, снабжался шифром и печатью, а также актовой книгой для фиксации принятых им решений, и в случаях особой важности и выигрыша времени, получал право непосредственных сношений с приамурским генерал-губернатором и военными губернаторами приграничных областей. По факту харбинское отделение превращалось в самостоятельное учреждение, находившееся в служебном подчинении гиринского агентства, на содержание которого предполагалось выделять до 10 тыс. руб. в год²⁹.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 249. Л. 48–51; Д. 266. Л. 224.

²⁹ Там же. Д. 2007. Л. 2–3.

Таким образом, в 1899–1902 гг. чиновники МИД появились в четырех городах Маньчжурии: в административных центрах ее провинций в качестве дипломатических агентов при местных цзянь-цзюнях, а также в Харбине, где располагалось Управление КВЖД.

Отношения дипломатических агентов с военными комиссарами

Помимо дипломатических агентов, функционировавших по линии МИД, на территории Маньчжурии находились должностные лица других российских ведомств: военные комиссары, пограничные комиссары, представители железнодорожной администрации, подчинявшиеся соответственно Военному министерству, МВД и Министерству финансов, а в структуре Управления КВЖД даже был образован отдел, ведавший сношениями с китайскими властями [Нестерова 2023, с. 75]. Поэтому неудивительно, что между ними то и дело возникали недоразумения по вопросам о компетенции. Весьма непросто складывались отношения между дипломатическими агентами и военными комиссарами. Напомним, что должность чиновника МИД в Маньчжурии учреждалась в законодательном порядке, и ее появление изначально не было связано с оккупацией области. Однако занятие области русскими войсками наложило серьезный отпечаток на положение чиновников МИД. «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии», принятые для управления областью в условиях оккупации, в целом разграничивали предметы ведения дипломатических агентов и военных комиссаров. И те и другие, хотя и подчинялись разным ведомствам, состояли при цзянь-цзюнях. На дипломатических агентов, помимо защиты и охраны интересов русских подданных и разбора судебных дел между русскими и китайскими подданными, возлагалось ведение сношений между цзянь-цзюнями, с одной стороны, и российским посланником в Пекине, а также с командованием русскими войсками по невоенным вопросам – с другой. Военные комиссары вели переписку цзянь-цзюней маньчжурских провинций с командующими русскими войсками по военной части³⁰. Однако командующие войсками стали требовать от дипломатических агентов, находившихся в местах дислокации воинских частей, исполнения их предписаний. Военные комиссары, чувствуя поддержку военного командования, сами стали активно вторгаться в сферу ответственности дипломатических агентов, что неизбежно порождало межведомственные трения. Особенно острый характер отношения между

³⁰ Там же. Д. 257. Л. 25.

дипломатическими агентами и военными комиссарами приобрели в Гиринской и Мукденской провинциях.

Должность главы гиринского дипломатического агентства с июля 1899 по июль 1903 г. занимал Люба³¹. Будучи опытным дипломатом, он обладал непростым характером. Твердость в отстаивании ведомственных интересов внешнеполитического ведомства сочеталась у него с излишней амбициозностью, что приводило к постоянным трениям как со своими коллегами по МИД, так и с военными властями. Люба болезненно отреагировал на попытки командира армейского корпуса, расквартированного в Гирине, генерал-лейтенанта барона Штакельберга присвоить себе полномочия по выдаче свидетельств русским подданным на право торговли в Гирине, полагая, что это идет вразрез с «Основаниями русского правительственного надзора в Маньчжурии» и умаляет его права как главы гиринского дипломатического агентства³². В октябре 1902 г. дело дошло до того, что его конфликт с бароном Штакельбергом и гиринским военным комиссаром стал предметом переписки между министрами Ламздорфом и Куропаткиным³³.

Не менее драматичная ситуация сложилась в Мукденской провинции, где во главе дипломатического агентства с сентября 1901 г. находился Сергей Александрович Колоколов. Он пользовался доверием со стороны главного начальника Квантунской области вице-адмирала Алексева, и это обстоятельство позволяло какое-то время сглаживать межведомственные противоречия. Но избежать конфликта с военными властями здесь также не удалось, и в декабре 1902 г. внешнеполитическое ведомство «ввиду возникших между чиновником МИД в Мукдене и местным военным комиссаром недоразумений» приняло решение о его переводе на другую должность, и только после вмешательства вице-адмирала Алексева дипломата сначала командировали в распоряжение начальника Квантунской области, а затем вернули на прежнюю должность в Мукден³⁴.

Еще в марте 1902 г. Россия и Китай подписали соглашение о поэтапном прекращении оккупации Маньчжурии. В МИД полагали, что с началом вывода русских войск произойдет значительное сужение сферы деятельности военных комиссаров, а после завершения их вывода сложатся благоприятные условия для оконча-

³¹ Формально Люба занимал должность чиновника МИД в Гирине до 5 марта 1904 г. В июле 1903 г. он получил отпуск и на прежнюю должность в Гирин не вернулся.

³² АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 257. Л. 6.

³³ Там же. Л. 28.

³⁴ Там же. Д. 1875. Л. 11, 20–26; Д. 241. Л. 72.

тельного упразднения данного института³⁵. Военное же ведомство считало упразднение должностей военных комиссаров преждевременным, а приамурский генерал-губернатор Гродеков, ссылаясь на необходимость организации наблюдения за военными мероприятиями Китая в Маньчжурии, даже настаивал на увеличении штатной численности военных комиссарств. На возражение МИД, что сохранение военных комиссаров после завершения оккупации Маньчжурии вызовет дипломатические затруднения, так как соперничающие с Россией державы могут потребовать предоставления им аналогичных прав, Гродеков предложил переименовать военных комиссаров в Гирины, Цицикаре и Мукдене в дипломатических агентов и назначить на эти должности офицеров Генерального штаба³⁶. С подобной комбинацией не согласился Ламздорф, указавший в письме к Куропаткину, что назначение на должность дипломатических агентов офицеров Генерального штаба, не обладающих опытом консульской практики в Китае, с сохранением за ними обязанностей бывших военных комиссаров создало бы совершенно недопустимое положение с точки зрения МИД³⁷. В полемику о судьбе органов русского представительства в Маньчжурии включились также чиновники МИД, замещавшие на тот момент эти должности. Так, Богоявленский, в записке «О военных комиссарах в Маньчжурии» (июнь 1903 г.), обвинив военных комиссаров в том, что они тайно, а то и явно старались соперничать с дипломатическими агентами и подрывать их авторитет, высказался за скорейшее упразднение института военных комиссаров. Он допускал включение в состав дипломатических агентств представителей Военного министерства лишь при сохранении за чиновниками МИД «преимущества власти» или «преимущества чести»³⁸. Записка Богоявленского была доведена главой МИД до Николая II, но император, ознакомившись с ее содержанием, не согласился с доводами дипломата³⁹.

В июле 1903 г. в соответствии с указом Николая II учреждается Дальневосточное наместничество. В состав нового административно-территориального образования вошли Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область. Назначение на должность наместника получил произведенный накануне в адмиралы главный начальник Квантунской области Алексеев. В сфере его ответственности оказалась также Маньчжурия, на территории которой все

³⁵ Там же. Д. 257. Л. 161.

³⁶ Там же. Л. 172.

³⁷ Там же. Л. 176–177.

³⁸ Там же. Л. 119–127.

³⁹ Там же. Л. 130.

еще находились русские войска. Сосредоточение в руках наместника гражданского и военного управления должно было, в частности, помочь урегулированию противоречий между дипломатическими агентами и военными комиссарами. В приказе наместника, объявленного 24 сентября 1903 г., признавалось, что со времени учреждения в маньчжурских провинциях должностей военных комиссаров и чиновников МИД те и другие должностные лица, руководствуясь не всегда согласованными между собой инструкциями, выходили из представленного каждому из них круга прав и обязанностей, невольно вторгаясь в чужую сферу ведения. «Ныне, с учреждением на Дальнем Востоке наместничества, – утверждал Алексеев, – в моем лице объединены все отрасли управления, а также дипломатические сношения, посему вышеуказанная двойственность должна естественно прекратиться»⁴⁰.

В сентябре 1903 г. в Порт-Артуре для разработки положения об управлении Дальневосточным наместничеством приступила к работе специальная комиссия. На ее заседания пригласили дипломатических агентов из Мукдена и Цицикара С.А. Колоколова и Н.Г. Поппе⁴¹. При обсуждении деятельности дипломатических агентов в Маньчжурии было отмечено, что чиновники МИД, перегруженные чисто канцелярской работой и заваленные судебными делами, уступают в информационно-аналитической работе военным комиссарам, которые, опираясь на сеть своих информаторов из числа офицеров нестроевых частей, предоставляют подробные донесения не только по вопросам чисто военного характера, но и «по таким вопросам, о коих не имеется сведений у чиновников императорского министерства, хотя бы таковые входили именно в компетенцию означенных чиновников»⁴². Члены комиссии сошлись на необходимости увеличения штатной численности органов русского представительства в Маньчжурии, причем как дипломатических агентств, так и военных комиссарств. Участвовавший в ряде заседаний комиссии Николай Готфридович Поппе по возвращении в Цицикар представил в декабре 1903 г. в Первый департамент МИД соображения по укреплению вверенного ему агентства. В состав агентства он предлагал включить двух секретарей, один из которых вел бы дела в самом Цицикаре, а другой – на территории Хэйлунцзянской провинции, драгомана, двух переводчиков (маньчжурского и монгольского языков), канцелярского писаря из отставных нижних чинов. Кроме того, предусматривалось создание сети секретных

⁴⁰ Там же. Л. 149.

⁴¹ Там же. Д. 1546. Л. 87.

⁴² Там же. Д. 249. Л. 56–57.

агентов-осведомителей⁴³. Аналогично предполагалось осуществить реорганизацию и других дипломатических агентств в Маньчжурии. Но реализации этого широкомасштабного плана помешала начавшаяся вскоре война с Японией.

*Дипломатические агентства
в годы войны с Японией
и их реорганизация в консульства*

На период русско-японской войны пришелся самый сложный этап в деятельности дипломатических агентств. С целью не допустить нового витка конфронтации между чиновниками МИД и военными комиссарами, роль которых в условиях военного времени объективно возрастала, внешнеполитическое ведомство поспешило заменить тех своих чиновников в Маньчжурии, у которых в прошлом были серьезные конфликты с военным начальством. В марте 1904 г. Люба (находившийся с июля 1903 г. в длительном отпуске) и Колоколов получили новые назначения подальше от театра военных действий, первый – в Ургу (Монголия), второй – в Кашгар (Западный Китай), а на ставшие вакантными должности дипломатических агентов в Гирине и Мукдене назначили Богоявленского и П.Г. Тидемана⁴⁴. Если Богоявленский давно мечтал о переводе именно в Гирин, который он считал важнейшим из всех трех административных центров Маньчжурии, то назначение Тидемана демонстрировало стремление МИД избегать недоразумений с военными властями и состоялось с учетом мнения адмирала Алексеева, высоко оценивавшего его способности⁴⁵. Впрочем, Тидемана, несмотря на официально состоявшееся назначение, по просьбе Алексеева задержали в Чифу, где он служил вице-консулом, непосредственное же руководство мукденским агентством временно возложили на коллежского секретаря П.К. Усатого⁴⁶. Лишь Поппе, занимавший должность главы дипломатического агентства в Цицикаре с начала сентября 1903 г., сумел сохранить свой пост⁴⁷.

Если до войны дипломатические агенты получали непосредственные указания от посланника в Пекине, то теперь маньчжурские представительства были поставлены в гораздо большую

⁴³ Там же.

⁴⁴ Ежегодник Министерства иностранных дел. 1905. С. 488–489, 501.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 1894. Л. 35.

⁴⁶ Там же. Д. 241. Л. 151–158.

⁴⁷ Там же. Д. 256. Л. 41.

служебную зависимость от дипломатического чиновника при наместнике. Назначение наместника главнокомандующим армией и флотом на Дальнем Востоке, создание при нем походной дипломатической канцелярии и перебазирование ее из Порт-Артура сначала в Мукден, затем в Харбин непосредственно отразились на работе дипломатических агентств. Объем переписки в дипломатической канцелярии наместника и главнокомандующего возрос настолько, что к ней стали привлекать сотрудников маньчжурских дипломатических агентств. Чиновники МИД и состоявшие при них секретари-драгоманов регулярно направлялись в распоряжение дипломатической канцелярии при наместнике для ее усиления, постоянно перемещаясь между Гирином, Мукденом и Харбином. Так, например, Богоявленского неоднократно посылали из Гирина в Харбин для исполнения обязанностей чиновника МИД в этом городе, в самом же Гирине его в это время замещали помощники по гиринскому агентству, а иногда даже сотрудники мукденского или цзицкайского агентств⁴⁸. Хотя подобные рокировки вызывались чрезвычайными обстоятельствами военного времени, они вносили определенную дезорганизацию в работу дипломатических агентств.

Серьезную проблему для дипломатических агентов на протяжении всего периода войны порождала неурегулированность их правового положения. В условиях военного времени это обстоятельство не просто затрудняло работу агентов, но и несло в себе угрозу для их безопасности и даже жизни. Посланник в Пекине Лессар даже предупреждал дипломатического агента в Мукдене, что поскольку чиновники Министерства иностранных дел в Маньчжурии, не являясь консулами, не имеют закрепленного в международном праве юридического статуса, то совершенно непонятно, как отнесутся к ним японцы⁴⁹. Соображения безопасности в условиях военных успехов Японии заставили задуматься о закрытии мукденского агентства. В конце августа 1904 г. исполняющий обязанности чиновника МИД в Мукдене Усатый организовал отправку канцелярии и архива агентства в Харбин, а в сентябре и сам перебрался туда. Впрочем, по поручению наместника Усатый несколько раз выезжал в кратковременные командировки в Мукден для рассмотрения жалоб китайского населения на поведение русских войск⁵⁰. Окончательно закрытие мукденского агентства произошло в декабре 1904 г., с этого времени Усатый вел переписку с российскими

⁴⁸ Там же. Д. 266. Л. 291, 293–294; Д. 1807. Л. 3–4 и др.

⁴⁹ Там же. Ф. 326: Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке. Оп. 928. Д. 13. Л. 76.

⁵⁰ Там же. Л. 79–81.

военными и гражданскими учреждениями как исполняющий обязанности чиновника МИД в Харбине⁵¹.

До окончания русско-японской войны доработали только два дипломатических агентства – цикикарское и гириное (напомним, что исполняющий обязанности чиновника МИД в Харбине входил в штат гиринового агентства). И хотя возглавлявшие их чиновники – Поппе и Богоявленский – обладали значительным опытом дипломатической деятельности в Китае, сохранять престиж агентств без официального консульского статуса становилось все труднее⁵². Вскоре после назначения Поппе консулом в Тяньцзинь перестало функционировать цикикарское агентство. Долгие другие просуществовало гириное агентство: его закрыли в феврале 1907 г.⁵³, при этом, в отличие от других чиновников МИД, получивших новые назначения, Богоявленского, отчасти из-за неуживчивого характера, отчасти из-за неприязненного отношения к нему со стороны нового посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, вывели за штат⁵⁴. Закрытие дипломатических агентств происходило параллельно с подготовкой к открытию консульских представительств России в Маньчжурии. Окончание войны с Японией и заключение Портсмутского мира кардинально поменяли ситуацию в Маньчжурии. Китайские власти открыли ее для международной торговли, и иностранные державы получили право учреждать там свои консульства. В Петербурге уже не видели смысла в сохранении дипломатических агентств с не вполне понятным правовым статусом и приняли решение о замене их консульствами. Россия опередила другие державы и первой официально открыла консульское представительство в Маньчжурии – им стало генеральное консульство в Харбине [Нестерова 2023, с. 69]. Это удалось осуществить во многом благодаря тому, что на протяжении нескольких

⁵¹ Там же. Ф. 143: Китайский стол. Оп. 491. Д. 222. Л. 18; Д. 1112. Л. 4 и др.

⁵² Там же. Д. 2009. Л. 95.

⁵³ Все российские дипломатические агентства в Маньчжурии, несмотря на то что они к тому времени уже не действовали, официально были упразднены только 6 июля 1908 г. См.: Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. 28. № 30 686. С. 454–455.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 143: Китайский стол. Д. 1850. Л. 10, 12–13. Лишь полтора года спустя – в ноябре 1908 г. Богоявленскому предложат должность дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе в Хабаровске, которую он будет занимать в течение пяти лет. Укажем, что его деятельность на новом посту получила положительную оценку со стороны ряда современных исследователей [Сорокина 2005, с. 249; Иконникова 2012].

лет в маньчжурских городах функционировали дипломатические агентства, сумевшие, несмотря на все сложности, создать прочный фундамент для консульской сети. В 1908 г. консульские учреждения действовали уже в шести городах Маньчжурии. Символично, что руководителем самого первого российского консульского учреждения в Маньчжурии – генерального консульства в Харбине – станет Люба, который в свое время первым занял должность чиновника МИД VI класса, командированного в Маньчжурию. В 1910 г. другое генеральное консульство в Маньчжурии – в Мукдене – возглавит Колоколов, служивший в этом городе на должности чиновника Министерства иностранных дел в 1901–1904 гг.

Заключение

Включение Маньчжурии в сферу влияния России, приведшее к значительному увеличению там численности русского населения, вызвало необходимость появления органов российского представительства. По соображениям дипломатического характера Россия не могла и не хотела создавать на территории Маньчжурии консульства, и выход был найден в учреждении специальной должности чиновника МИД VI класса, командированного в Маньчжурию. В 1899 г. чиновник МИД был назначен только в Гирин, позже в условиях русской военной оккупации чиновники МИД, или дипломатические агенты (так они именовались в «Основаниях русского правительственного надзора в Маньчжурии»), появляются в других маньчжурских городах. Как правило, на должности чиновников МИД назначались опытные дипломаты, хорошо знакомые со спецификой консульской деятельности. Через них шла переписка между российскими и местными китайскими властями.

Вместе с тем приходится констатировать, что статус дипломатических агентов в Маньчжурии не был четко урегулирован, и это обстоятельство порождало многочисленные сложности в осуществлении ими своих обязанностей. Во-первых, несмотря на сходство функционала, отсутствовала единая инструкция для всех трех чиновников МИД. Во-вторых, то и дело возникали недоразумения по вопросам о компетенции между чиновниками МИД и представителями других российских ведомств, а в Гиринской и Мукденской провинциях разногласия между дипломатическими агентами и военными комиссарами переросли в затяжной конфликт, серьезно мешавший работе.

Тем не менее учреждение должностей чиновников МИД в трех маньчжурских провинциях, несмотря на указанные выше проблемы,

позволяло успешно отстаивать интересы многочисленного русско-го населения, разрешать споры и недоразумения между русскими и китайскими подданными. Сам факт наличия подобных учреждений свидетельствовал о гибкости Министерства иностранных дел, его умении находить новые организационные формы реализации внешнеполитических функций. Институт чиновников МИД просуществовал до окончания войны с Японией. В 1906–1907 гг. после открытия Китаем маньчжурских городов для иностранцев было принято решение о превращении агентств в консульства. Наличие дипломатических агентств позволило России в кратчайшие сроки осуществить эту реорганизацию.

Литература

- Дамешек, Дамешек 2019 – *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.
- Изаксон 2017 – *Изаксон Р.А.* Деятельность дипломатической канцелярии Иркутского генерал-губернатора накануне и в период Февральской революции 1917 г. // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 233–244.
- Иконникова 2001 – *Иконникова Т.Я.* С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения: «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории»: Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 38–41.
- Иконникова 2012 – *Иконникова Т.Я.* Оформление отношений с консульским корпусом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908–1912 гг.) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 26–34.
- Куликов 2023 – *Куликов В.И.* Формирование механизма реализации внешнеполитических полномочий генерал-губернаторов в Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права РГГУ. 2023. № 4. С. 47–64.
- Куликов 2024 – *Куликов В.И.* Дипломатический чиновник в Порт-Артуре // История и архивы. 2024. Т. 6. № 4. С. 10–29.
- Мамкина 2020 – *Мамкина И.Н.* Внешнеполитические аспекты деятельности генерал-губернаторов восточной окраины Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 1 (37). С. 23–30.
- Мамкина 2021 – *Мамкина И.Н.* К вопросу о формировании механизмов реализации внешнеполитической деятельности в генерал-губернаторствах азиатской России // Россия и Китай: развитие регионального сотруд-

- ничества в XXI веке: Материалы XIX Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ц.С. Дондоков. Чита: Забайкальский государственный ун-т, 2021. С. 199–206.
- Нестерова 2023 – *Нестерова Е.И.* Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 67–79.
- Сорокина 2005 – *Сорокина Т.Н.* Должность чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Омский государственный ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2005. С. 222–258.
- Старовойтова 2023 – *Старовойтова Е.О.* Дипломатическое агентство Российской империи в Мукдене в 1901–1904 гг. и деятельность дипломата С.А. Колоколова // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 122–133.
- Шаронова 2022 – *Шаронова В.Г.* Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период временного русского управления (1900–1904 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 396–414.

References

- Dameshek, L.M. and Dameshek, I.L. (2019), “The Asian frontier and the foreign policy powers of the Governors-General of Asian Russia”, *Tomsk State University Journal. History*, no. 61, pp. 21–25.
- Ikonnikova, T.Ya. (2001), “S.M. Dukhovskoy and the establishment of the post of a diplomatic official under the Amur Governor-General”, in *Tret'i Grodekovskie chteniya: «Dal'nii Vostok Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy zaseleniya i osvoeniya territorii»: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Third Grodek Conference “The Russian Far East: historical experience and modern problems of settlement and development of the territory”. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference], part 1, Khabarovsk, Russia, pp. 38–41.
- Ikonnikova, T.Ya. (2012), “Establishment of relations between consular officials and Government General in Priamursky area (1908–1912)”, *Russia and the Pacific*, no. 1, pp. 26–34.
- Izakson, R.A. (2017), “Activities of the Diplomatic Office of the Irkutsk governor-general on the eve and during the February Revolution of 1917”, *Herald of Archivist*, no. 2, pp. 233–244.
- Kulikov, V.I. (2023), “Formation of a mechanism for the implementation of the foreign policy powers of governors-general in Eastern Siberia (second half of the 19th – beginning of the 20th century)”, *Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*, no. 4, pp. 47–64.
- Kulikov, V.I. (2024), “A diplomatic official in Port Arthur”, *History and Archives*, vol. 6, no. 4, pp. 10–29.

- Mamkina, I.N. (2020), "Foreign policy aspects of the activities of general governors of the eastern edge of the Russian Empire in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century", *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 37, no. 1, pp. 23–30.
- Mamkina, I.N. (2021), "To the question of the governors general foreign policy activities mechanisms in Asian Russia", in Dondokov, Ts.S., ed., *Rossiya i Kitai: razvitie regional'nogo sotrudnichestva v XXI veke: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: the development of regional cooperation in the 21st century. Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference], Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, Chita, Russia, pp. 199–206.
- Nesterova, E.I. (2023), "Opening of the Russian Consulate General in Harbin: prehistory (1906–1907)", *Istoricheskii kur'er*, vol. 29, no. 3, pp. 67–79.
- Sorokina, T.N. (2005), "The position of an official in the diplomatic part under the Amur governor-general", in Suvorova, N.G., ed., *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sb. nauch. statei k 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Remneva* [Asian Russia: People and structures of the Empire. Collected scientific articles on the 50th anniversary of the birth of Professor A.V. Remnev], Omskii gosudarstvennyi universitet imeni F.M. Dostoevskogo, Omsk, Russia, pp. 222–258.
- Sharonova, V.G. (2022), "Socio-cultural activities of the Russian Imperial Consulate in Yingkou (China) during the period of temporary Russian administration (1900–1904)", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, vol. 14, iss. 3, pp. 396–414.
- Starovoitova, E.O. (2023), "The Diplomatic Agency of the Russian Empire in Mukden in 1901–1904 and the activities of diplomat S.A. Kolokolov", *Far Eastern Studies*, no. 2, pp. 122–133.

Информация об авторе

Владимир И. Куликов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kulikov_59@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-5394-3747

Information about the author

Vladimir I. Kulikov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kulikov_59@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-5394-3747